

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К МОДЕРНИЗАЦИИ И РАКУРСЫ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА*

М.М. Мчедлова

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются современные концептуальные параметры изучения особенностей социально-политических трансформаций, новых смыслов понятия «модернизации», вариативность ее моделей, актуализации ценностной составляющей. Акцент делается на формах проявления и интерпретации религиозного фактора в России в современных условиях.

Ключевые слова: модернизация, социально-политические изменения, демократия, традиция, религия, солидарность.

Особенности трансформационных преобразований в России во многом определяется параметрами модели модернизационных преобразований. Комплексные исследования социальных трансформаций в различных странах, включающие в себя учет полифакторных воздействий, становились предметом исследования различных областей гуманитарного знания, акцент при этом ставился на всеохватности и междисциплинарности. Не случайно наибольшую известность и признание получили академические исследования, во многом предлагающие не только и не столько текущие данные, сколько широкое полотно фактов и объяснительных схем, способных предложить многосторонний учет всех факторов специфики социальных трансформаций как таковых, так и в отдельных странах от цивилизационных, ценностных до экономических и политических (1).

Переосмысление проблемы универсальности, ставящее под сомнение принцип всеобщей соизмеримости культур, философий и религий [3. С. 204—205],

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014-2016) № 14-28-00218.

политическая акцентированность различий имплицировали выход на первый план тех ценностно-смысловых структур, которые представляются наиболее устойчивыми, выдержавшими проверку в течение не одного столетия. Поэтому гуманитарное знание вступает в интеллектуальное и политически-инструментальное противоречие с доминировавшей идеологией, во многом определяемой монологичными линейными параметрами. Центрируясь на методологическом признании ценности культурного, социального и политического разнообразия, на политическую и рефлексивную авансцену произошло выдвижение референции идентичности. Включение социокультурных составляющих в политический контекст современных трансформаций коррелирует с необходимостью достижения российским обществом ценностного консенсуса, поскольку «без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов не... составить прочного общества» [5. С. 41].

Проблема трансформации российского общества, изменения ценностных установок и социально-экономических характеристик предопределяет обращение к пониманию критериев прогресса и концептуализации модернизационных изменений, принимая во внимание современный контекст поливариативности развития. Проводя параллели между логикой развития понятий модернизации, глобализации и цивилизации, можно обратиться к мнению Йенса Баргельсона, отмечающего, что понятия цивилизации и революции, сформировавшиеся перед и в ходе Великой Французской революции, «также утратили стабильные референции, но функционировали как двигатели социального изменения, обозначая изменение в его чистой, наиболее неизбежной и необратимой форме: изменение как условие возможных объектов и возможных идентичностей в возможном будущем» [12. Р. 182].

Сегодня понятия идентичности, устойчивости, культурной самобытности, традиции, входящие в пул цивилизационного подхода, во многом становятся каркасом изучения современной социально-политической и исторической реальности. Возникновение новых политических смыслов социальных трансформаций находится в векторе смены акцентов: от концептуальных рамок нормативности, непрерывности исторического процесса, поступательного прогресса, универсальности к актуализации самобытности, фрагментарности и плюрализации социально-политического процесса, традиционности, вплоть до архаизации.

Это обуславливает и многомодусность цивилизационного ракурса современного понимания модернизации. С одной стороны, он также несет на себе отпечаток просвещенческой парадигмы, особенно в нормативной проекции линейного понимания модернизационных стратегий в соответствии с логикой «Третьей волны». С другой стороны — все более громкими становятся голоса, настаивающие на том, что «культура имеет значение» [См.: 9; 10], а цивилизационная специфика различных типов обществ накладывает отпечаток на алгоритмы изменений в обществе, социокультурную и ценностную динамику трансформаций, политический контекст изменений.

Многослойность современных трансформационных процессов порождает и различные философские эпистемы, лежащие в основании объяснения логики, направленности и целей общественных изменений. Эвристический потенциал кон-

цепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта [см.: 11; 13; 14], центрирующейся вокруг констатации трансформации сущности осевой европейско-христианской цивилизации, приведшей к возникновению Модерна как новой цивилизации с особой культурной и институциональной программой, распространившейся на другие части мира, что вызвало появление множественности модернизмов, во многом представляется определенным синтезом линейных интенций и плюралистической несводимости современности к единому основанию. Вместе с тем и для значительного числа регионов незавершенной модернизации все более притягательными становятся, наряду с традиционными «национальными», универсалистские модели самоидентификации [об этом см.: 6].

В любом случае целью исследований политического и модернизационного ракурса идентичности является выработка алгоритмов определения соотношения общего и частного, интегративной целостности и ее частей, причем в формах, вписывающихся в магистральный вектор обеспечения выживаемости и развития общества.

В приложении к российскому обществу чаще всего ставится вопрос о «неорганическом» или «догоняющем» типе модернизации, в том числе и политической, что обосновывается как спецификой социального устройства России, целеполагающей активностью политической власти, так и универсальностью модернизационного процесса, имеющего различные эшелоны.

Опыт российских политических и экономических трансформаций свидетельствует, что изменение такой самостоятельной цивилизационно-культурной общности, как Россия, не укладывается в классический модернизационный сценарий, поэтому анализ различных контекстов российской модернизации и трансформационных процессов представляется ключевым (2).

Эвристический потенциал спора между западниками и славянофилами до сих пор не утратил своей актуальности и со всей очевидностью проявляется в современной дискуссии о направленности и границах модернизации России.

Современные трактовки процессов модернизации во многом отождествляются с непрерывными изменениями, призванными совершенствовать и институционализировать настоящее, что позволяет преодолеть дихотомию «традиционное/современное» [4; 10], а также с признанием, что «ценностные ориентации могут меняться и меняются, но продолжают отражать историческое наследие общества» [4. С. 165—166].

В данных координатах консенсусная логика модернизационного процесса, согласно которой социально-экономические прогрессивные изменения ведут к политическим трансформациям, а затем и к изменениям ценностно-мотивационных параметров, начинает подвергаться деконструкции. Модернизация, в том числе и политическая, трактуется как нелинейный процесс, а видение ее перспектив потеряло свою однозначную нормативность и представляет собой широкий спектр решений, на полюсах которого находятся следующие позиции: либо замещение традиционных ценностей современными в результате модернизации, либо сохранение и акцентация традиционализма, влияние традиционной структуры цен-

ностей на политическую систему [4. С. 172]. Не случайно традиционные теории секуляризации, основанные на убеждении в неминуемости элиминации религии из всех структур социально-политического пространства на основе просвещенческих императивов рационализации и модернизации, демонстрируют исчерпание своего познавательного-интерпретативного потенциала. Сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику, настаивавшая на том, что постепенно «религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое значение» [16. Р. 14], как это происходило в случае Европейской локальной истории, перестает удовлетворять эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни. Все более четко проявляющийся социокультурный профиль современного политического процесса свидетельствует, «что доминирующий этос современных демократий все более и более враждебен по отношению к идее подавления различий между людьми... Демократии нуждаются в высокой степени консенсуса относительно политической идентичности общества, тогда как деспотические режимы вполне удовлетворяются тем, что население покорно, что оно исполняет законы и уплачивает налоги. Но как соединить культурное разнообразие и надежный консенсус?» [8].

Проблемы особенностей модернизационного проекта преобразований в современных параметрах не могут быть корректно в полном объеме поставлены вне обсуждения той роли, которую выполняет религия в самоопределении региональных, национальных и этнических единств, а также в становлении и развитии личностного мира, включающего определенную иерархию базовых ценностей и определенные горизонты персональной свободы и ответственности.

Причины этого понятны — религия как глубинный фактор, более долговременный, чем политические и идеологические пристрастия, определяет наиболее устойчивые формы и основания социального устройства, его цивилизационную специфику, ментальные структуры. Не случайно характерной чертой религиозности россиян, постоянно фиксируемой исследованиями ИС РАН, является восприятие религии в двух проекциях — как личный персональный мистический опыт, как Вера, с одной стороны, и как культурно-цивилизационная идентичность — с другой. Причем последний аспект становится определяющим и для отдельной личности, и для различных общностей вплоть до цивилизационных, и проявляется в различных гранях: как форма солидарности на фоне элиминации традиционных политических и гражданских ее форм, как измерение политического процесса, как «мягкая сила» в политике и как ресурс для повышения активности различных религиозных организаций.

Институционализованные религиозные организации, главной задачей которых является пастырское служение, не только не отдаляются от институтов власти, но и играют все более значительную роль в политическом процессе как субъекты политического целеполагания. Вариативность теоретических интерпретаций наблюдаемых изменений и противоречивость политических практик является признанием трансформации роли религии в современном социально-поли-

тическом процессе: от алармистских подходов и предостережений об опасности клерикализации до абсолютизации требования учета религиозных различий не только в частной, но и в политической, гражданской, правовой, социально-экономических сферах.

Усиление роли религии на национальном уровне также является маркером новых конфигураций социальности. Это проявляется в увеличении количества религиозных движений, отстаивающих зачастую помимо сугубо религиозных и социально-политические интересы; в участии религиозных лидеров в мероприятиях светского характера и попытках решения многих социальных вопросов; в возрастании роли и пропаганде религиозного воспитания и образования. Как следствие, религия, приобретающая все больший вес в публичном пространстве, становится «интерпретирующим сообществом» и начинает играть значимую роль в формировании общественного мнения и народной воли.

Ценностная проекция включения религиозного параметра в политический процесс на фоне понижения роли гражданско-политических форм солидарностей приводит и к акцентации солидаристского потенциала религии: «общество, сплоченное идеалом солидарности, способно стать альтернативой хаосу и распаду» [1].

В свою очередь, влияние Церкви в «превращенных» видах распространяется и на неверующую часть общества, причем не только как морально-нравственный авторитет, но и посредством социального служения. С этим связана аттрактивность Церкви как для верующих, так и для неверующих, обеспечивающая Церкви один из наиболее высоких уровней доверия, а следовательно, и ее легитимности как института. Причем в противовес к циркулирующим «клише» доверяют Церкви как верующие, так и неверующие, как христиане, так и люди, являющиеся последователями иных вероисповедных традиций, молодые и пожилые, мужчины и женщины, образованные и не очень. Это свидетельствует о том, что институционализированные российские конфессии распространяют в определенной мере свое влияние на неверующую часть населения, вследствие чего граница между верующими и неверующими не является непрозрачной и незыблемой, а религиозный ресурс можно рассматривать как фактор стабилизации социальной системы.

В исследовании идентичностных контекстов модернизационных преобразований в России значимым представляется вопрос, каков общественный идеал россиян и зависит ли его интерпретация от религиозности и мировоззренческих ориентаций наших сограждан в условиях поиска пути модернизации российского общества и дискуссии о его демократизации, свидетельством чего являются данные социологических опросов (3).

В иерархии значимости прав и свобод человека, являющихся атрибуцией демократического устройства, свобода вероисповедания занимает 12 место, и как абсолютно необходимое условие для идеала демократии ее назвали всего 11% наших сограждан. Это может свидетельствовать как о достаточно спокойном мировоззренческом климате, так и о том, что иные проблемы, связанные с обеспечением прав человека и развитием демократических институтов, являются для россиян более злободневными.

Духовная свобода оказалась легче достижима в России, чем свобода в иных ее проявлениях — экономических, социальных и политических. Так, среди последователей православия считают, что свобода вероисповедания абсолютно необходима 12%, среди внеконфессионально верующих — 9%, среди атеистов — 4%. Оказывается, что-либо наиболее демократичными являются представители институционализированных российских конфессий, либо для них этот вопрос более актуален. Также настаивают на необходимости свободы слова 17% молящих Бога об осуществлении их мечты и 22% посещающих церковь и религиозные собрания, тогда как те, кто Богу не молятся и не ведут церковной жизни, в 2 раза реже говорят об абсолютной необходимости свободы слова (по 10% в каждом случае).

В целом, по мнению большинства всех мировоззренческих групп, мечта о демократии в России скорее или полностью не оправдалась. Этого мнения придерживаются 73% православных, 77% внеконфессиональных верующих и 82% атеистов. Даже воцерковленность не спасает от разочарованности в осуществлении данной мечты — 80% посещающих церковь считают, что эта надежда россиян не реализовалась. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл четко акцентировал эту проблему: «Если индустрия прав человека будет лишена духовного и нравственного измерения, если она станет инструментом политической пропаганды и продвижения одних мировоззрений в ущерб другим, — ее плоды принесут человечеству много несправедливости, рабство порокам и грехам, чрезмерному потреблению, гордыне, которые могут обернуться и уже оборачиваются реальными страданиями людей» [2].

Если говорить об идеальном представлении о демократии, то между представителями религиозно-мировоззренческих групп принципиальных различий нет: подавляющее большинство (около 80%) на первое место в представлении о демократии как социальном идеале ставит равенство всех граждан перед законом, на второе место — связанную с равенством перед законом независимость суда (42%), на третье — снижение разрыва в уровне доходов (40%), на четвертое — свободные выборы органов власти (27%) и президента страны (26% во всех группах). Таким образом, в идеальных представлениях россиян о демократии преломляется их мечта о социальной справедливости.

Выбор приоритета общественного или личного — благополучие государства или собственное благополучие — представляется одной из спецификаций вектора трансформационных преобразований как ценностной, так и социальной проекций. С одной стороны, россияне ставят во главу угла собственное благополучие и благополучие своей семьи — об этом говорят 74% православных и 76% внеконфессиональных верующих, а идею общей цели как объединяющей поддерживают четверть православных и внеконфессиональных верующих. Чуть более коллективистски настроены атеисты — таковых 30%, вероятно, за счет поколения, прошедшего социализацию в советскую эпоху. Это еще раз демонстрирует критическое падение уровня социальной солидарности, деформирующее общество. В данном разрезе приверженность духовной традиции не способна преодолеть распад социальных связей. Хотя все-таки определенное амортизирующее воз-

действие религиозность имеет: среди людей, регулярно посещающих церковь, общая цель представляется приоритетом для большего числа людей — 32%.

В этом же ряду стоит и проблема соотношения личного и общественного сквозь призму пользы. Здесь проявляется противоречивость общественного сознания: несмотря на индивидуалистические цели, большинство хотело бы быть полезным обществу и государству, а не жить в свое удовольствие. Принадлежность к конфессии данный показатель только увеличивает, что свидетельствует о благотворном влиянии Церкви на социальный климат: так, полезными государству и обществу хотели бы быть 54% позиционирующих себя православными. Среди воцерковленных людей таковых еще больше — 64%, что подтверждает солидаризирующие возможности религиозных и конфессиональных оснований.

Современные качественные трансформации социально-политической реальности акцентировали проблемы переосмысления модернизации, размывание линейного смыслового континуума соответствующего понятия свидетельствует о нелинейности его референтов, тогда как интерпретации последних имеют широкую вариативную шкалу, на крайних полюсах которой находятся традиционное понимание и требования современности, определившие включение в концептуальное поле модернизации социокультурных параметров. Специфика российских модернизационных проектов, ее успешность и эффективность, требует не только теоретического осмысления и вычленения общих и частных параметров, но и рассмотрение ценностной составляющей социально-политических трансформаций, учет социокультурных (религиозных) контекстов, что позволит повысить эффективность государственных политических и управленческих стратегий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Наиболее ярким примером является проекты, осуществляемые под руководством Р. Инглхарта в рамках Всемирного исследования ценностей (WVS, <http://www.worldvaluessurvey.org>), в котором обосновываются идеи корреляции экономических, политических и ценностных изменений в векторе материальное/посматериальное. Согласно основным положениям его теории «бесшумной революции» наиболее устойчивые ценностные ориентации и настроения массовых слоев общества являются важнейшими элементами политической культуры. Во многом данные исследования позволяют представить взаимоотношенность в специфике политического развития экономических, политических, социокультурных, ценностных и этнорелигиозных составляющих: центральными показателями являются два измерения «традиция — секулярно-рациональные ценности» и «выживание — благополучие».
- (2) Так, М.М. Сперанский усматривал печальную черту отечественных реформ в их порывистости, переменчивости, незавершенности: «История России со времен Петра Первого, представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали» [7. С. 17].
- (3) Здесь и далее используются данные ИС РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVI Всемирного русского народного собора. 01.10.2012 // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html>.
- [2] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий 30 мая 2012 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255100.html>.
- [3] Глобализация и мультикультурализм. М.: РУДН., 2005.
- [4] *Инглхарт Р.* Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010.
- [5] *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1989.
- [6] Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
- [7] *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М., Л., 1961.
- [8] *Тейлор Ч.* Защищая мультикультурализм // Русский журнал. 06.12.10. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>.
- [9] *Хантингтон С., Гаррисон Л.* (ред.) Культура Имеет Значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- [10] *Хэ Чуаньци.* Введение // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010). Гл. ред. Хэ Чуаньци / Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.
- [11] *Эйзенштадт Ш.* Модерн как цивилизация особого типа // Реферативный Журнал. Серия 11. 2003. № 1.
- [12] *Bartelson J.* Three Concepts of Globalization // International Sociology. 2000. Vol. 15. № 2.
- [13] *Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology. L. etc. 2000. Vol. 16. № 3.
- [14] *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 3.
- [15] *Harrison L., Huntington S.* (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000.
- [15] *Wilson B.* Religion in Secular Society: a Sociological Comment. L.: Watts, 1966.

REFERENCES

- [1] Vystuplenie Svjatejshego Patriarha Kirilla na otkrytii XVI Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. 01.10.2012 // Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html>.
- [2] Vystuplenie Svjatejshego Patriarha Kirilla na IV S'ezde liderov mirovyh i tradicionnyh religij 30 maja 2012 g. // Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255100.html>.
- [3] Globalizacija i mul'tikul'turalizm. M.: RUDN, 2005.
- [4] *Inglhart R.* Modernizacija i demokratija // Demokratija i modernizacija: k diskussii o vyzovah XXI veka / Pod red. V.L. Inozemceva. M.: Evropa, 2010.
- [5] *Ključevskij V.O.* Soch.: v 9 t. T. 1: Kurs russoj istorii. Ch. 1. M.: Mysl', 1989.
- [6] *Mnogolikaja globalizacija. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire / Pod red. P. Bergera i S. Hantingtona.* M.: Aspekt Press, 2004.
- [7] *Speranskij M.M.* Proekty i zapiski. M., L., 1961.
- [8] *Tejlor Ch.* Zashhishhaja mul'tikul'turalizm // Russkij zhurnal. 06.12.10. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>.
- [9] *Hantington S., Garrison L.* (red.) Kul'tura Imeet Znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu. Antologija. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh isledovanij, 2002.

- [10] Hje Chuan'ci. Vvedenie // *Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001—2010)*. Gl. red. Hje Chuan'ci / Per. s angl. pod red. N.I. Lapina. M.: Ves' mir, 2011.
- [11] Jeizenshtadt Sh. Modern kak civilizacija osobogo tipa // *Referativnyj Zhurnal*. Serija 11. 2003. № 1.
- [12] Bartelson J. Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. 2000. Vol. 15. № 2.
- [13] Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // *International Sociology*. L. etc. 2000. Vol. 16. № 3.
- [14] Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. № 3.
- [15] Harrison L., Huntington S. (eds.) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books, 2000.
- [16] Wilson B. *Religion in Secular Society: a Sociological Comment*. L.: Watts, 1966.

SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION IN RUSSIA: CONCEPTUAL APPROACHES TO MODERNIZATION AND THE PERSPECTIVES OF THE RELIGIOUS FACTOR

M.M. Mchedlova

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The paper research the current conceptual parameters study peculiarities of social and political transformations, new meaning to the concept of “modernization”, the variability of its models, updating the value component. The emphasis is on forms of expression and interpretation of the religious factor in the contemporary conditions in Russia.

Key words: modernization, social and political change, democracy, tradition, religion, solidarity.